

Андрей Статкевич

Андрей из даркстора

<https://litres.ru/74635877>

SelfPub; 2026

Аннотация

В тридцать пять лет кажется, что твоя жизнь уже понятна и катится по рельсам: съёмная студия в Мурино, преданная жена, бесконечные подработки кладовщиком. Но сырой подвал даркстора на Жуковского, 34 внезапно становится порталом в другую вселенную.

Честная автобиографическая новелла об изнанке петербургских будней быстротечности времени. Первая из цикла рассказов "Кладовщик"

Содержание

4

Конец ознакомительного фрагмента.

38

Андрей Статкевич

Андрей из даркстора

Это было в самом конце августа 2024 года, тогда я впервые её повстречал. Я уволился с работы и какое-то время жил разовыми подработками через приложение «Смена». Обычно выходил кладовщиком в даркстор на Жуковского, 34. В тот самый день я привычно вышел из метро на площади Восстания, на часах было без двадцати семь. Смена начиналась в семь утра и заканчивалась в четыре. Поначалу казалось утомительным вставать в пять утра, но на самом деле быстро подстраиваешься под такой режим. В этом был какой-то особый шик — идти в такую рань по центру Петербурга и видеть его самые оживлённые улицы абсолютно пустыми. Ни машин, ни прохожих. Только иногда попадаются редкие фотографы, пользующиеся моментом, чтобы сделать удачный кадр, да бродяги. Меня всегда занимало: куда последние идут в такую рань? Ведь даже все магазины ещё закрыты. После смены у меня впереди оставался свободным целый вечер. Пожалуй, это нравилось больше, чем свободный график.

Даркстор занимал подвальное помещение в старом до-

ме на углу Жуковского и Радищева. Да, это был натуральный подвал с низким сводом, об который ты обязательно стукнешься головой на входе. Тем утром у железной двери уже ждали двое — парень и девушка. Я мельком оглядел их. Девушка была небольшого роста, хрупкая, одета в серую кофту-оверсайз с потрёпанными рукавами. Светлые волосы убраны в хвост, нос украшен пирсингом-септумом, в ушах крупные серьги-кольца. Она носила большие очки в чёрной оправе. Совсем молоденькая. Парень, стоявший с ней рядом, был худосочный и утопал в чёрном худи. Из-под капюшона выглядывало бледное лицо с синевой под глазами. Он как будто не спал неделю. Наверняка что-то принимает, видок нездоровый. И я почему-то решил, что они пара.

Больше я на них внимания не заострял. В очередной раз с утра мне прижало в туалет, и было не до общения с незнакомцами. Минут через пять подошёл Колян — штатный кладовщик. У него были ключи. Мы поздоровались, и, как всегда, попытки с десятой, он открыл непослушный замок. С Коляном мы успели подружиться. В этом дарке я работал далеко не впервые, и мы как-то быстро нашли общий язык. Он был моложе лет на десять. Но по сути какая разница? Мы разгружали машину с товарами, выкладывали их на полки, собирали и выдавали заказы курьерам. Словом, выполняли общие задачи. А за болтовнёй, под музыку и шутки смена пролетала незаметно.

Для начала Колян попросил меня разобраться с картоном.

Вооружившись канцелярским ножом, я стоял в тесном помещении, заваленном пустыми коробками, и готовил макулатуру для сдачи. Связывая картон в кипы, я то и дело спотыкался о курьерские велосипеды, брошенные там же в беспорядке. Заиграла музыка — пришёл Дэн, заместитель директора. Он постоянно таскал с собой портативную колонку, чему мы были несказанно рады.

В очередной раз запнувшись о велосипедную раму, когда перешагивал через гору картона, я повернулся и заметил, что в проходе слева работает та блондинка. Она перебирала фрукты, покоившиеся на стеллажах у стены. Посреди сырости и в тепле они быстро плесневели. Поэтому девушка раз за разом ловко откидывала то яблоко, то апельсин в пластиковый ящик, стоявший на полу. Увидев меня, она спросила:

— Как тебя зовут?

Это было как-то резко. Я вообще не ожидал, что она заговорит со мной, да и сам не был настроен с ней общаться. Она продолжала перекидывать фрукты и одновременно выжидающе посматривала на меня.

— Андрей, — ответил я, оторвавшись от картона.

— Значит, я угадала.

— Почему? — немного опешил я.

— Ты выглядишь как Андрей, — она сказала это абсолютно серьёзно, без тени иронии.

— А тебя? — спросил я.

— Таня.

Оказалось, мы оба до этого работали на складах доставки штатными кладовщиками. Я ночником в Мурино, она на Грибоедова. Поэтому быстро нашлось о чём поговорить. Таня работала там с апреля по июнь, потом уволилась, пока её за что-то невзлюбила директрисса. Так что пришлось написать по собственному. Теперь, как и я, Таня перебивалась подработками. Мои руки нарочно резали картон всё медленнее и медленнее, настолько я увлёкся разговором.

Мимо проходил тот парень в чёрном худи. Его звали Антон, и оказалось, что Тане он никем не приходится. Тем утром они просто столкнулись у двери. Непонятно, почему я принял их за пару, они даже не были знакомы. Когда это дошло до меня, внутри будто что-то отпустило. Странно, но я с первой же минуты начал западать на неё. Мной одновременно завладели непреодолимый интерес к ней и стеснение. Когда Таня отвернулась к апельсинам, я невольно засмотрелся на неё. Под тусклым светом потрескивающих ламп её волосы выглядели ещё светлее. Сколько ей было лет? Выглядела она совсем девчонкой.

Разлучил нас Дэн, попросив меня заняться сборкой заказов, а Таню отправил сортировать чипсы. Но работа стала для меня уже просто фоном. Я нет-нет да, будто бы случайно, проходил мимо неё и останавливался поболтать. В очередной раз идя по узкому коридору, я глянул на Таню и прыснул со смеху. Она озадаченно осматривала груды мятых коробок с чипсами. Там не было никакого стеллажа, упаков-

ки просто стояли друг на друге. Сизифов труд. Даже если разложить все марки по наименованию, один хрен через пару часов их смешают в кучу. Тем не менее она старалась, а я помогал как мог.

Когда я с Коляном был в зоне выдачи заказов, Таня подошла и попросила помочь вместе с ней убрать какую-то полку. Конечно же вызвался я. А она, кажется, никого другого и не ждала.

— Я тут самый здоровый, — бросил я, обернувшись к ней.

— Ну я же сказала, мне нужен самый сильный.

В закутке в беспорядке лежала куча разномастных чипсов, которые кто-то придавил металлическими полками от стеллажа. Наши кроссовки чавкали в размякшем картоне. Сверху капала вода — в коммуналке над нами вечно протекали трубы, и мы бросали на пол сложенные коробки, чтобы не ходить по лужам. Но всё это дело быстро раскисало, и создавалось впечатление, будто идёшь по навозу на скотном дворе. Я наклонился и вытянул одну полку. Со второй оказалось сложнее, она за что-то зацепилась. Лампа здесь, разумеется, давно перегорела, и в потёмках трудно было что-либо разглядеть. Пытаясь вытащить часть стеллажа, я подался вперёд, стараясь не раздавить ногами чёртовы чипсы, но потерял равновесие и упал прямо на пухлые упаковки и размокшую картонную кашу. Конечно, не так я собирался себя показать, но это вызвало у Тани добродушный смех и сочувствие.

— Ты победил! — поздравила она, помогая мне убраться часть стеллажа в сторону.

— Да, и наделал брака, — я равнодушно глянул на лопнувшие под моим весом чипсы. — Если что, это не я.

Её смена была короткой, до двух. Я растягивал часы, мучаясь вопросом — не попросить ли у неё номер телефона? Мне тридцать пять лет. Я взрослый мужчина, хоть и выгляжу несколько моложе. А ей? Она явно вчерашняя школьница. Вдруг она меня просто засмеёт? С этими мыслями я, сидя на корточках, перебирал булки в хлебном отделе, когда Таня неслышно вошла и оказалась передо мной. На её правом плече висел рюкзак, украшенный пёстрыми значками. В руке она держала пакет-майку, в котором угадывались банка энергетика и слойка.

— Ну, пока.

— Ты уходишь? — спросил я.

— Да, — она прислонилась к полкам и смотрела на меня, словно ждала чего-то ещё.

— Классный у тебя обед, — я кивнул на её пакет и нерешительно махнул рукой на прощание. — Ладно, пока.

И она ушла. А я остался среди ящиков со свежим хлебом и смотрел в стену, в то место, где она только что стояла.

«Почему ты не спросил её телефон?» — промелькнуло в голове.

«А надо ли оно мне?» — тут же мысленно прозвучал мой ответ.

«Мучиться ведь будешь. Вдруг она уже никогда не придёт сюда?» — предразнил внутренний голос.

«Вот если придёт снова, тогда и спрошу!» — дал я сам себе обещание.

Дни пролетали один за другим. Будто кто-то взял бумажный календарь и одним движением прошелестел страницами. Я брал смену за сменой, но она всё не появлялась. Мне было плевать на деньги, даже не могу вспомнить, сколько у меня тогда выходило за эти часы. Точно копейки, ведь это в сущности была хорошая подработка для студентов, а не для мужчины с кучей обязательств. Я подыскивал постоянное место, но образ Тани не оставлял в покое, и я упрямо продолжал ездить в подвал на Жуковского.

Наконец одним утром я не выдержал. Дэн сидел за рабочим ноутбуком и проверял поставки товаров. Кажется, мы были с ним одногодками. Его побаивались и слушали беспрекословно - крепкий бородатый мужик, весёлый, но из тех, кто за словом в карман не лезет. Или за кулаком. Его уволили с прошлого места за рукоприкладство. Тем не менее, мы быстро сработались: у меня было много опыта, я никогда не опаздывал и его это устраивало.

— Слушай, Дэн, а Таня часто сюда выходит? — я еле выдавил из себя этот вопрос.

— Какая? — равнодушно ответил он, не отворачиваясь от экрана.

— Ну в очках которая.

— Мелкая, что ли? — топорно уточнил Дэн. Точно, ему бы с его параметрами заведовать пилорамой, а не вот этим всем.

— Ну наверное. Блондинка, — подытожил я.

— А что, понравилась? — он ухмыльнулся, глядя в свои таблицы. Тут вмешался Колян, чистивший кофемашину:

— Она же выглядит лет на пятнадцать.

— Да нормально она выглядит! — я деланно возмутился.

— Не переживай, придёт точно, — успокоил меня Колян — Но вообще она мне не нравится.

— Почему?

— Ну то, как она разговаривает. Тон у неё — не знаю, как это назвать. Надменный, что ли. О, смотри! — Колян показал нам бутылку с сиропом для кофе. Внутри трубки сифона, оказавшись в сладком вишнёвом плену, сидел таракан. Мы Дэном уже всякого насмотрелись, так что зрелище нас не удивило. — И как он туда забрался?

— Как они это пьют? — бросил Дэн и вернулся к работе.

В конце концов, когда с больничного вышла Яна, второй замдиректора, я решился обратиться к ней. По рассказам Тани, весной они вместе работали в дарке на Грибоедова. Я был уверен, что у неё сохранился номер или мессенджер Тани. К моему удивлению, на такую просьбу она отреагировала абсолютно спокойно. Словно я спросил у неё который час, а не контакты подруги. Яна отправила мне ссылку на её мессенджер. Казалось бы, всё — бери и пиши. Но я жутко стеснял-

ся и вместо этого часами обдумывал тексты и её возможный ответ.

Колян знал о моих мучениях и на протяжении трёх дней подкалывал:

— Ну что, ответила тебе любимая?

— Нет, я ещё не писал, — я старался придать своему тону больше безразличия. Но Колян всё видел.

— А когда напишешь? — не унимался он.

— Завтра.

— Окей. Всё, завтра при мне берёшь телефон и пишешь ей.

А дальше случилось то, о чём Таня не знает до сих пор. Да, она пришла. Я всё-таки дождался. Маховик времени снова раскрутился, часы рядом с ней полетели как минуты. Дэн дал нам поручения в разных концах склада, но мы неизменно оказывались рядом и проводили смену, увлечённо болтая о всяком.

Как сейчас помню, меня попросили починить дверную ручку в туалете. Её в очередной раз оторвали курьеры. Отыскав отвёртку и саморезы, я принялся за дело. Пока я, пыхтя, вкручивал винты, незаметно подошла Таня. Я склонился над ручкой, а девчонка стояла надо мной и с любопытством рассматривала мою работу:

— Ты умеешь делать такие вещи?

— Конечно, — деловито ответил я.

— Так ты мастер на все руки, получается? — посмеялась

она.

— А то!

— И значит, можно у тебя номер телефона попросить, чтобы ты что-нибудь сделал мне?

— Конечно!

Она улыбнулась и ушла вглубь коридора. Господи, она сама чуть ли не прямым текстом просила мой номер, а я динамил её из-за собственного смущения! Если бы только она знала, что я уже дня три сижу над черновиком сообщения для неё. Но вечером я всё же собрался духом и написал: «Привет, это Андрей из даркстора. Не против общаться?»

Таня прочитала сообщение. Я всё поглядывал на телефон, изнывая от ожидания. «Пусть она уже отошлёт меня, и на этом всё», — думалось мне. Казалось, так будет спокойнее. Но через пару часов Таня всё-таки ответила, и спокойствия уже не будет. Жизнь разделилась на «до» и «после» встречи с ней. Она была не против, странно было в этом сомневаться. Мне даже не пришлось объяснять, откуда у меня её номер. Мы общались часами напролёт.

— Вспомнил, как ты тогда мучилась с чипсами, — шутя напомнил я.

— Ага. Я королева чипсов, — ответила она.

Мы разговаривали о работе, обсуждали коллег. Как выяснилось, это можно делать бесконечно. Таня снимала комнату на Чернышевской и училась в колледже на ветеринара, а по выходным играла на виолончели в каком-то ансамбле. Она

казалась бесконечно интересной. В сравнении с ней я видел себя каким-то серым. И всё ещё не решался пригласить её на свидание.

В один из дней я написал ей. Она собиралась на Жуковского, поработать до вечера. Для меня это был шанс снова легально побыть вместе подольше. Я сказал, что могу доехать до Чернышевской и встретить её, а там вместе пройти до работы. Она согласилась.

Помню, как вышел из метро, выбрался из толпы и оглядывался по сторонам. Я не очень хорошо знал этот район. Площадь Восстания — да, я сто раз бывал там, а здешние переулки выглядели незнакомо. Таня пыталась спасти ситуацию — отправила в чат точку с геолокацией. Но я плохо ориентировался по картам и скоро обнаружил, что иду куда-то в сторону Шпалерной. Чёрт, совсем не туда. «Андрей, там магазин "Дикси", я напротив», — написала она.

Я бежал, игнорируя светофоры и проскакивая прямо перед бамперами машин. На перекрёстке Восстания и Рылеева я наконец увидел Таню. Она ждала меня, глядя в экран телефона.

— Ну наконец-то! — она радостно оглядела меня, а я стоял перед ней, еле дыша от бега.

Её светлые волосы были распущены и развевались на ветру пышным бледным пламенем. Мы пошли в сторону дарка. Оказалось, от Чернышевской идти было даже ближе, чем с Восстания. Из-за моей оплошности времени оставалось в

обрез, и мы быстро шагали вперёд. Я всё перебирал темы для разговоров, стараясь не умолкать и не казаться скучным. Не помню в точности, что я спросил, но Таня принялась рассказывать о том, как меняла причёски. Когда-то она носила даже короткую стрижку и красилась в фиолетовый. Из этого я почему-то сделал вывод, что лет двадцать ей точно есть.

Да, то, как я пытался выведать её возраст, достойно отдельной главы. Спросив её прямо, я нарвался на ответ: «Не скажу». Это был очевидный флирт. И весь вечер на работе я донимал её вопросами.

— Так сколько тебе? — снова спросил я, упаковывая заказ для курьера в пакет. Таня в это время возилась с посылками из маркета.

— А ты угадай, — она не давала мне шанса, а подсказки были слишком размытыми.

— Когда ты закончила школу? — мне казалось, я подбираюсь ближе к ответу.

— Три года назад.

— То есть тебе двадцать один? — торжествовал я.

— Нет, — разочаровала Таня.

— Двадцать?

— Не угадал.

Напротив сидел курьер Алексей, увлечённый алкоголик. Его эта сценка забавляла:

— Ей пятнадцать! — гаркнул он своим хриплым голосом. Остальные курьеры заржали. Все в подвале уже с интере-

сом следили за нами. Когда нечем заняться, люди любят посплетничать. А уж пообсуждать чужие отношения — это самый смак. Рядом со мной собирала заказы женщина, с ней я не был знаком. Наблюдая за моими попытками, она весело и спокойно добавила:

— Да восемнадцать есть и ладно.

— А тебе самому сколько? — Таня перевела взгляд на меня, удерживая очередную коробку в руках.

— Да ты испугаешься, если скажу.

— Ну значит, не судьба, — заключила она.

— Мне тридцать пять, — я сказал как есть.

Она ничего не ответила и продолжила работу. Смена закончилась, было без десяти одиннадцать, и я сходил переодеться. Курьеры всё ещё сустились, развозя оставшиеся пакеты. Таня же стояла на ступеньках у выхода. Я не просил её, но понял, что она ждала меня. Мы вышли вместе на улицу.

— Прогуляемся? — она улыбнулась, глядя на меня.

Ещё бы я не согласился. Уже давно стемнело, стояла середина сентября. Жёлтый свет фонарей разливался по асфальту, меняя привычный облик улиц. Этот район был в стороне от оживлённых улиц и значных мест, здесь было тихо. Мы шли, и она рассказывала истории, которые происходили с ней во время поездки к морю, а я слушал и не мог оторвать от неё глаз. Честное слово, не выдумую, но всё вокруг казалось кинолентой: огромная луна нависла над тёмными очертаниями петербургских крыш - как раз совпало полнолуние.

Погода была на редкость тёплой. Не знал, куда мы шли, в этих местах я никогда не бывал, так что она вела меня за собой. Я всё побаивался, что не успею на метро, и украдкой поглядывал на время.

— Мы не заблудимся?

— Нет, круг сделаем и выйдем как раз к станции. А вот там Смольный, — Таня показала куда-то вперёд.

Я кивнул, хотя в темноте так и не понял, где он находится. Здесь для меня всё казалось новым. Между тем она принялась жаловаться на настойчивое внимание курьеров:

— Ой, ты знаешь, ещё на Грибоедова был один, Игорь. Ну он хороший мужчина, то кофе мне приносил, то шоколадку. Но ему сорок два. Конечно, это без вариантов.

— Но мне тридцать пять, — тут я осёкся от своей прямо-ты.

Но она не смутилась:

— Ты выглядишь моложе. Я даже не подумала бы, что тебе тридцать пять. Ну двадцать семь, наверное. Так я думала.

— Она протянула мне сигарету: — Будешь?

Я не отказался, той осенью я снова начал курить. Таня продолжила:

— И ты знаешь, большинство из них ведь женаты. Как бы я хотела, чтобы их жёны оказались на складе и увидели, что они вытворяют!

Странно, но она никогда не спрашивала меня о моих предыдущих отношениях. Хотя имела на то полное право.

Наши «рабочие» встречи повторились ещё пару раз. Таня ждала меня там же, на перекрёстке у «Дикси», а затем мы гуляли допоздна. Она провожала меня до метро к самому закрытию. Домой, в Мурино, я приезжал во втором часу ночи. Для большинства это, безусловно, выглядит забавным. Девушка встречает и провожает парня. Но мы все всё понимали: город огромный, и транспорт диктует свои правила.

Когда мы в очередной раз стояли у вестибюля Чернышевской и прощались, она прильнула ко мне и слегка приобняла. Я же отбросил стеснение и крепко прижал её к себе.

— Сходим куда-нибудь вместе на выходных? — решился я, глядя в её голубые глаза.

— Да, почему нет, — в моих объятиях Таня смотрела на меня снизу вверх. С её ростом я, должно быть, казался ей великаном - Иди, тебе пора.

У турникета контролёр смерил меня долгим взглядом. Наверное, в ту минуту я был так счастлив, что показался ему пьяным.

Мы стали встречаться. Здесь я подхожу к самому главному — я был женат. Причём уже второй раз. Мы жили вместе шестой год, но детей так и не завели. Возможно, это сыграло свою роль, когда я встретил Таню и мой брак дал трещину. До всего этого у меня и в мыслях не было с кем-то знакомиться. Всё происходило так стремительно, что я не успевал принять какие-то решения касательно того, как жить дальше.

Когда я сидел дома, в съёмной студии в Мурино, и видел жену, которая всегда была предана мне, совесть изводила меня. Но стоило войти в вестибюль «Девяткино», как поезд переносил меня в другую реальность, словно портал. Районы этого города меняли мою личность. Наступала какая-то амнезия — я приезжал на Чернышевскую, и жена, Мурино, опостылевшая студия в доме-муравейнике переставали существовать. Заработок, карьера — к чему всё это? Там, в центре, мы жили одним днём.

Тот вечер я запомнил буквально по минутам. Дома я смотрел какие-то видеоролики, жена собиралась на работу в ночную смену. Словно на иголках, я ожидал её ухода. Как там в той пословице? «Муж в Тверь, жена в дверь»? У нас было в точности наоборот. Тошнота снова комом подкатила к горлу. Зачем разрушать всё и делать ей больно? Ради какой-то девчонки? Какое будущее ты видишь с ней?

Но стоило жене покинуть дом, как я схватился за телефон. Таня взяла четырёхчасовую вечернюю смену на Жуковского. Я напросился встретиться её и выпить где-нибудь вместе.

Приехав в центр, первым делом зашёл в даркстор, просто чтобы увидеть её. Таня усердно собирала заказы на выдачу. Остальные также суеились, на меня вообще обратил внимание. Я позвал её и предупредил, что схожу в «Галерею» за новой шапкой -заодно и время скоротаю до конца её смены. Покулив и поболтав немного на улице с курьерами, я отправился в торговый центр.

Около одиннадцати вечера, мы наконец встретились. На этот раз погода не баловала, на улице реально подмораживало. Проходя мимо дешёвой пивной на Лиговском, где мы уже бывали, Таня передумала и предложила ещё пройтись. Помню, мы нашли круглосуточный магазин, взяли сигарет и отправились искать какое-нибудь тихое заведение. Но ничего подходящего не попадалось и мы просто бесцельно болтались по переулкам.

Когда мы шли по улице Восстания, я уже капитально отмораживал уши. Таня заметила это:

— А что ты не наденешь шапку, которую купил?

— Мне кажется, она меня старит.

— Так, ну-ка давай! — настояла она и следила затем, как я натягиваю шапку - Тьфу, да ты задом наперёд надел!

По-моему, в ней я сразу стал выглядеть лет на сорок. Хотя и попытался сдвинуть её назад, чтобы чёлка выбивалась наружу.

— Мне кажется, что мы выглядим как батя с дочкой, — резюмировал я.

— Тебе не кажется, — усмехнулась Таня.

А я действительно поглядывал на редких прохожих — не косятся ли они на нас? Хотя ничего такого не заметил. Когда мы стояли на светофоре у перекрёстка, я отважился и аккуратно взял её за руку. Она была холодной, маленькие пальчики казались ледяными.

— Какая же у тебя рука холодная, — как ни в чём не бы-

вало заметил я.

— Они у меня всегда мёрзнут, — Таня пожала плечами и продолжила держать свою руку в моей огромной ладони. — Даже летом.

— Я буду греть твои руки.

И правда, я всячески старался согреть её своим теплом всю дорогу до метро. У станции на площади Восстания мы остановились и уже привычно обняли друг друга.

— Я не хочу в это Мурино возвращаться, — прошептал я. Она лишь слегка кивнула в ответ.

Мы продолжали стоять, прижавшись друг к другу. Мимо нас проносились машины. Ледяной ветер с залива, как холодное дыхание поздней осени, царствовал на площади и будто пытался разлучить нас. От его порывов волосы Тани то и дело лезли мне в рот. Мне всегда нравился её запах. Не знаю, что это было — какой-то парфюм или просто дезодорант. Но этот тонкий аромат заставлял обнимать её сильнее, желая пропитаться им полностью.

До сих пор не могу сказать, как это случилось. Не было такого, чтобы я стоял и решался это сделать. Помню только, что зарылся лицом в её волосы, а в следующую секунду уже целую её. Ощущение тепла её губ на пронизывающем холоде осенней площади стало точкой невозврата. Во всех смыслах этого слова.

Естественно, домой я не уехал. Мы побрели куда-то в сторону Чернышевской, держась за руки и болтая о пустяках. У

Манежного переуллка мы снова остановились, и я посмотрел на время. Метро давно закрылось.

— Ну что, мне пора, — Таня снова крепко обхватила меня обеими руками.

— Метро закрыто, — ответил я, сердце у меня колотилось от волнения. Это было заметно даже через куртку.

— Ну ты знал, что можешь опоздать, — промурлыкала она.

В уме я лихорадочно прикидывал стоимость такси и оценивал, за сколько я дойду пешком до «Девяткино». Наверное, к утру.

— Я, кажется, не доеду, — единственное, что я смог из себя выдать.

— Не, я тебя к себе не пущу, — категорично отрезала Таня.

— Но я же замёрзну на улице! — дубак и правда стоял нешуточный.

— Нет, нет, даже не думай! — она сделала жест рукой. — Я прямо сразу телефон отключу и отложу в сторону.

— Но Таня! — смешно, но я не знал, что делать.

— Я же шучу, глупый, — На секунду встав на носки, Таня неловко поцеловала меня в шею. Через меня будто прошёл разряд тока. Она горячо прошептала — За что ты мне такой встретился?

— Какой?

— Милый, — улыбнулась она - Как ты мне написал? Ан-

дрей из даркстора? Как будто продукт из категории скидок.

В ту ночь я впервые остался у неё.

Естественно, в дарксторе наши отношения были на виду. Только ленивый не замечал, с какой теплотой мы относимся друг к другу. Но большинство смотрели на нас с безразличием. Только Колян нашёл в этом неиссякаемый источник для шуток и иногда перегибал палку.

В одну из смен он разбирал посылки из онлайн-маркетов, которые потом предстояло выдать курьерам для доставки по адресам. И среди них вдруг нашлась игрушка — девчачья куколка с золотистыми волосами. Колян повертел её в руках, затем протянул мне. Я оторвался от упаковки заказов:

— Это что? — я с недоверием уставился на детскую игрушку.

Напротив, в курьерской зоне, сидел незнакомый парень-доставщик. Развалившись на стуле, в ожидании заказа он флегматично наблюдал за нами.

— На, это тебе, — Колян сунул игрушку мне в руки.

— Зачем? — с недоумением спросил я, покрутив куклу.

— Ну тебе же нравятся маленькие девочки, — пожал он плечами. - Типа твоей Тани.

Молодой курьер резко изменился в лице - в его глазах вспыхнул интерес и он следил за моей реакцией. Я промолчал, хотя внутри у меня всё вскипело. Колян, видимо, осознал, что перешёл черту. Гадёныш сразу сменил тему, деловито спросив, кто размещал воду. Привычно оттопырив

нижнюю губу, он продолжил раскидывать посылки по полкам.

Тут подключился Дэн. В свежей поставке приехала гнилая клубника, и он ломал голову, как её списать, поэтому поначалу пропускал нашу болтовню мимо ушей.

— А она с кем живёт, Андрей? — он отвлёкся от ягод и повернулся к нам.

— Одна. Комнату снимает здесь, неподалёку.

— Не, она классная. Мужик! — Дэн потянулся из-за стола и со звонким хлопком пожал мне руку.

Лицо курьера снова стало скучающим. Но от стеллажей с посылками опять донёсся ехидный голосок:

— Ага, как раз домашку будешь с ней делать.

— Колян, ты в конце смены убираешься в туалете. Андрей — в зоне бакалеи, — пробасил Дэн.

— Я же вчера там мыл! — заныл Колян.

Таня рассказывала, что живёт одна с пятнадцати лет. Отец от них ушёл, а в остальные подробности их семейных разборок я не вдавался. Она никогда не спрашивала о моём прошлом, меня это более чем устраивало. И я не поднимал на поверхность то, о чём ей бы не хотелось вспоминать.

Отношения с женой накалились. Она подозревала измену, но предъявить ничего не могла. Как-то я поймал себя на том, что уже демонстративно ухожу по вечерам прямо при ней и возвращаюсь на такси в третьем часу ночи. Мой снежный ком обмана рос с каждым днём. Мне хотелось, чтобы она

наконец нашла неопровержимые улики и сама покончила с моей ложью и жалостью к ней. Последнее в те дни оставалось единственным, что ещё удерживало меня в семье. Но вместо скандалов она лишь тихо плакала. Сам я порвать не мог — наверное, был слишком слаб..

Как-то утром на Жуковского я с Коляном разгрузил машину и пошёл на законный перекур. Во дворике, зайдя за мусорные баки, я отхлебнул кислотно-приторный энергетик и с наслаждением вдохнул табачный дым. В старинном доме напротив снимали какое-то кино. Машина с автовышкой подняла оператора и осветителя на высоту второго этажа. На балконе актёры, мужчина и женщина, разыгрывали сцену и горячо спорили. От съёмок меня отвлекло сообщение от жены. Я открыл чат.

«Андрей, нам надо поговорить». После этой строчки внутри всё похолодело. Значит, конец?

В один миг меня захлестнули противоречивые чувства: вместе со вспышкой облегчения накатил и глухой страх перед неизвестностью. Всё-таки шесть лет совместной жизни не выкинешь, как окурок в урну. Я спросил, о чём речь, но жена колебалась. Когда я надавил и заставил написать прямо сейчас, на экране высветилось: «С этого месяца у нас с тобой отдельный бюджет».

Я шумно выдохнул. Господи, отдельный бюджет?! И это всё?

В ответ набрал короткое «Хорошо» и вернулся к сигарете.

Парочка на балконе снова захватила моё внимание.

Было начало октября. Шёл довольно сильный дождь, но вместе с ним вернулись и остатки тепла. Поэтому я вырядился и после смены поехал на Петроградку.

«Я сегодня на Дивенской», — Таня написала мне, до этого весь день она не отвечала. По-видимому, была занята. «Если хочешь, приезжай», — добавила она.

Уговаривать меня не пришлось. Мы оба пришли к мысли, что неплохо бы провести остаток вечера в кино. Добравшись до «Выборгской», я решил сначала пойти пешком. Но быстро отказался от такой затеи — рисковал сильно промокнуть, зонта с собой не было. Поэтому я тут же прыгнул в подошедший трамвай. И, конечно же, ошибся с маршрутом. Он свернул не туда, сделал круг и привёз меня обратно к «Выборгской». Раздосадованный, я попытал удачи с автобусом и на этот раз угадал.

Проехав без билета до Каменноостровского, вышел на остановке. Оттуда до Дивенской было уже рукой подать. Там я однажды бывал, когда подрабатывал курьером: исколесил на велосипеде половину Петроградской стороны и неплохо выучил местные дворы.

Телефон снова завибрировал. Я остановился посреди тротуара. Дождь продолжал капать, пальцем я водил по мокрому стеклу и не с первой попытки открыл чат. На этот раз сообщение было от жены. Что ещё ей надо? Когда я разблокировал экран, то обомлел. Она прислала фотографию - стоя-

ла перед зеркалом абсолютно обнажённая. И подпись: «Андрей, я ведь красивая?»

Я просто спрятал телефон назад в карман джинсов. Что мне было ответить? Не в этом ведь дело. Да, ты красивая, но мне не хватало чего-то другого. Хотелось сказать — единственное, в чём я нуждаюсь, это беззаботность, которую я ощущал с Таней. Почему с тобой не так — не могу сказать, дело не в тебе.

Мы безмятежно проводили вечера в дешёвых барах, в скверах, в кино. Нас не волновали деньги, работа, мы не строили планов. Я прекрасно понимал, что вся её учёба на ветеринара — это показуха для кого-то из родных. Так или иначе, она бросит её. Мы просто проживали дни вместе, радуясь моменту. С этими мыслями я шёл, переступая через редкие лужи, до даркстора на Дивенской. И на всякий случай отключил телефон.

Внутри кипела работа, заказов там вечером было завались. Протиснувшись между промокшими курьерами в грязных дождевиках, я подошёл к стойке выдачи. За ней над пакетами хлопотала молодая сборщица. Я поздоровался и осмелился спросить:

- А здесь сегодня работает девушка по имени Таня?
- Да, — она подняла на меня вопросительный взгляд.
- А вы можете её позвать?

Но звать не пришлось: Таня сама подошла с пакетом к стеллажам и заметила меня. Вероятно, девушка у стойки бы-

ла заместителем директора, поэтому я снова повернулся к ней:

— А можно мы выйдем на улицу покурить?

— Я не знаю, — она призадумалась, оглядев меня. — Хотя да. Конечно, сходите.

Дождь перестал. На улице Таня сразу обняла меня.

— Я думала, ты не придёшь. Ничего больше не писал.

— Это ты не молчала весь день, — проворчал я.

— Ну у меня правда дела. Я записалась в автошколу, на права.

— О, и как успехи?

— Да как тебе сказать? — она без спросу залезла в мои карманы и выудила оттуда зажигалку. — А у тебя есть сигареты?

Я достал пачку и протянул ей. Таня начала рассказывать, как безуспешно пыталась сдать теорию. За обсуждением этой новости мы явно проторчали на улице больше, чем ей позволялось: вскоре из дарка выскочила женщина неопределённого возраста. Тарашась на нас, она возмущённо крикнула:

— Девушка! Идите работать!

Я усмехнулся.

— Девушка, вы меня слышите?

— Да, уже иду, — недовольно отозвалась Таня и, повернувшись ко мне, добавила: — Она почему-то называет меня «девушкой» всё время. Как будто у меня имени нет.

— Ладно, я где-нибудь подожду тебя.

Но у самого входа в даркстор, я снова притянул её к себе за талию и поцеловал.

— Мне кажется, на нас все пялятся.

— Тебе не кажется, — прошептала она.

— Я же сильно старше, да? — это было скорее утверждением, чем вопросом.

— Ага. Такой взрослый, — Таня слегка дотронулась до моей щеки кончиками пальцев. — С бородкой. Каково это, когда на лице волосы растут?

— Не знаю, растут и всё, — посмеялся я и коснулся её щеки губами. Забавно, но я всегда целовал её так аккуратно, боясь уколоть щетиной.

— Кстати, временами ты похож на гея, — игриво выдала она.

— С чего бы это? — я разыграл глубокое возмущение.

— Ну ты так одеваешься: эта рубашечка в клетку, пиджак, тоннели в ушах, — перечислила она. — И жесты у тебя бывают такие же, — её разобрал смех.

Да, я всегда старался одеться как-нибудь ярко и стильно. Но внимательный взгляд непременно заметил бы, что рубашка застиранная, ботинкам далеко не первый сезон, а голубые джинсы протираются между ног. Во мне сквозила бедность.

— Я мужицкий мужик! — уверенно отрезал я и прильнул к ней.

Мы снова соединились в поцелуе, но нас бесцеремонно разлучил какой-то курьер. Он с силой распахнул дверь наружу и чуть не прибил меня.

— Ой, простите, — испуганно пролепетал тот, глядя на нас.

— Получил? — Таня рассмеялась и легонько толкнула меня ладонью в грудь. — Всё напишу, когда буду собираться!

В Мурино у меня наступало отрезвление. Хотя правильное это было назвать похмельем. Тошнило от самого себя, от лжи, которой я причиняю боль жене. Само место угнетало. После праздного старого города, где ты ощущаешь себя в вечном отпуске, Мурино выглядело местом для бытовой каторги. Из помпезных проспектов и готичных переулков я возвращался в строгую геометрию лимба из новостроек. На его открытых пространствах морской ветер местами сбивал с ног. А толпа людей, будто маятник, кочевала к метро и обратно два раза в сутки.

— Андрей, я хочу, чтобы у нас была нормальная семья, — жена присела ко мне на кровать, пока я лежал и бездумно пялился в экран телефона.

Я ничего не ответил.

— Я хочу родить ребёнка, — продолжила она. — Хочу, чтобы ты больше зарабатывал и устроился на нормальную работу.

— Значит, найди себе другого! — сорвался я. Жалость и злость к ней перемешались во мне.

— Я ни то, ни другое обещать не могу. Почему я должен хотеть того же самого?

С этими словами я пересел на край кровати и с отвращением глянул в окно. Небо было беспросветно серым, как и моя жизнь. Но и тут его почти полностью перекрывал двадцатидвухэтажный дом-исполин. Теснота — это проклятье петербургской бедноты. Хотелось просто стереть себе память, остаться навсегда на Чернышевской, в Таниной комнате в коммуналке. И больше никогда не знать о том, что была какая-то другая жизнь до неё.

Я закрыл глаза и склонил голову. В воображении вспыхло недавнее воспоминание: дверь их общей ванной с облупившейся от старости краской, прокуренный коридор, заваленный хламом жильцов.

— Ты заперлась там уже час назад, — звал я Таню. — Мы в первый раз идём в театр и, кажется, опоздаем.

Дверь медленно открылась, и я увидел её — ослепительно красивую в бирюзовом вечернем платье в пол. Оно изящно облегалo её стройную фигуру.

«Я готова», — она довольно улыбнулась. Серьги с голубыми камнями и жемчужное ожерелье на ней переливались в тусклом свете коридорной лампы.

Я открыл глаза. Передо мной снова высилась многоэтажка и расстился пустынный двор, где ветер гонял мусор со свалки.

По-моему, дело шло уже к середине октября, когда я впер-

вые начал замечать перемены. Таня стала куда реже отвечать на сообщения. Телефонные звонки она вообще игнорировала либо сбрасывала. Во мне росла тревога.

Когда я снова торчал в подвале на Жуковского и вместе с Коляном расставлял по полкам банки с бобами, то не выдержал и поделился своими переживаниями.

— То есть она не отвечает тебе три дня? — Колян замер с консервной банкой в руке.

— Да. Сообщения доходят, но она их даже не открывает.

— Дружище, я бы напрягся, — честно сказал он. Несмотря на прежние подколы и лёгкую неприязнь к Тане, тут Колян проявил мужскую солидарность. — Здесь явно что-то не так. Мне кажется, она динамит тебя. Да что там кажется, я уверен.

Да, она пропала, и целых трое суток в чате висела одна зелёная галочка. Лишь на четвёртый день Таня ответила, что учёба отнимает все силы. Я наивно хотел в это верить. Но её тон изменился, прежней искры уже было не разглядеть — я чувствовал фальшь. Общение угасало, во мне просыпался детектив. У неё появился другой? Кто-то рассказал ей о моей жене? Я просто разонравился?

Когда мне удалось поймать её в сети, последний вопрос я задал прямо.

«Нет, что ты, всё в порядке. Просто пойми, у меня сейчас начался такой период, когда времени на себя едва хватает», — это была стена, и я не мог её пробить.

К тому же я давно не мальчик и научился быть сдержанным. Надоедать ей десятками сообщений и караулить возле дома казалось зазорным. Хотя в голове крутилась мысль прийти внезапно с цветами к её колледжу, но это была глупая затея. Я даже не знал расписания, никогда им не интересовался. Поэтому просто покорно ждал, когда она позволит увидеться вновь.

Такая возможность представилась недели через полторы. Мы долго переписывались, обменивались новостями, и наконец Таня сообщила, что выйдет на утреннюю смену на Жуковского — я могу заглянуть. Я испытал облегчение, но подозрения не оставляли. Провести время вместе после работы она наотрез отказывалась, опять ссылаясь на учёбу.

В назначенный день я приехал на Восстания и привычным маршрутом дошёл до даркстора. Там сменился директор — за администраторским столом теперь сидел незнакомый полный мужчина. Когда я спустился в подвал, он остановил меня и спросил, на смену ли я. Я покачал головой и ответил, что пришёл подождать девушку. Мне разрешили посидеть в курьерской зоне. Вскоре из лабиринта коридоров вышла Таня с корзиной продуктов. Я подмигнул ей, и мы вышли во дворик покурить. Её смена заканчивалась в два дня. На часах была половина первого, и мы сошлись на том, что я подожду её в ближайшей чайхане.

Заведение оказалось приличным. Я съел порцию дешёвого, но чертовски вкусного плова и незаметно задремал прямо

за столом. Очнулся около двух и сразу поспешил обратно.

Мы шли выученным путём в сторону «Чернышевской», держась за руки. Встречные курьеры на электровелосипедах приветливо сигналили нам. Наконец-то показалось солнце, воздух прогрелся, и я расстегнул куртку. Хотя холодный ветер, срывавший с деревьев остатки листвы, уже нёс в себе нотку зимней свежести. Мне казалось, Таня торопится. По пути она щебетала о колледже, о том, как не осилила автошколу, снова о дарксторе... А я слушал и старался растянуть каждую минуту. Внешне её ничего не выдавало, но я физически чувствовал: это наша последняя встреча.

На перекрёстке у её дома мы остановились. Я обнял её, и она крепко прижалась щекой к моей груди.

— Мы же встретимся ещё? — я держался спокойно, но внутри буквально молил её. — Мы ведь недели полторы не виделись.

— Конечно, — Таня провела рукой по моему плечу. Я вдыхал её запах, стараясь словно напиться им про запас. — Но у меня столько дел в колледже.

Она снова затараторила о том, как её третирует преподавательница по истории. В этот момент в голове мелькнула мысль: историю в колледжах преподают только выпускникам девярых классов. Однако всё это было неважно. Я склонился и поцеловал её. Она не противилась.

— Я пойду, Андрей, — она нежно отстранилась. — Мне правда пора.

Вереницы прохожих спешили мимо нас к метро. Мы и вправду выглядели странной парочкой: взрослый высокий мужчина со светлой бородой и совсем юная девчонка в его объятиях.

— Я тебя не отпущу, — пошутил я.

— Так, Андрей, перестань, — её тон вмиг стал серьёзным.

— Да, пока, — грусть разъедала изнутри. Во мне будто лопнула склянка с кислотой.

Когда она переходила дорогу, я окликнул её:

— Ты же напишешь мне?

Таня улыбнулась и кивнула. Конечно же, она не напишет.

Я побрёл к метро, всё время оглядываясь, пока она окончательно не пропала из виду. Как назло, ко мне пристал тоскливого вида алкаш. Забулдыга всё это время ждал, когда мы разойдёмся, и теперь жалобно мямлил под боком:

— Отец родной, выручи десятью рублями... Отец родной...

— Мне не до тебя! — отрезал я.

До самой станции пьяница преследовал меня и гундел про родного отца. А я от волнения не замечал ничего вокруг. И думал лишь о том, есть ли у меня хоть малейший шанс обладать ею вновь.

Да, она писала мне. Но от силы раз или два в неделю, совершенно не обращая внимания на мои сообщения, где я делился чем-то новым. А нового в моей жизни появилось немало. Как утопающий за соломинку, я тщетно цеплялся за её

редкие ответы. Какое-то время ещё продолжал брать смены и ездить в подвал на Жуковского в надежде, что она тоже появится там, как тогда, в сентябре.

Но вскоре понял, что Колян оказался прав — Таня в самом деле меня динамила. Тогда я перестал бесполезно тратить время, уволился из даркстора и решил получить новую специальность. Пошёл в курьеры и работал с утра до ночи, без устали крутя педали по сырым ноябрьским улицам.

Примерно в середине ноября Таня окончательно перестала отвечать. Но, по всей видимости, тяжёлый труд выступил горьким лекарством для моей души, где после её ухода образовалась пустота. Мне нужны были деньги на оплату курсов. Я полностью отдался работе, превратившись в живой прида-ток велосипеда, развозящий пакеты с продуктами по квартирам.

Так прошёл и декабрь. Новый год я встретил с женой. Усталость и заботы сделали меня рассудительнее. Да, воспоминания не оставляли, но отупение от изматывающих смен потихоньку делало их размытыми.

В конце января, когда я уже стал забывать о ней, Таня вновь объявилась. Хотя и не так, как мы оба желали бы. Мне написал Колян — мы и до этого периодически общались в чате. К тому моменту он тоже уволился с Жуковского, а позже и сам дарк закрылся. Мы поговорили о работе, он тоже подался в доставку. И под конец Колян выдал то, ради чего, видимо, и затеял этот разговор:

— Кстати, новости есть про Таню твою, — он был в курсе, что мы расстались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.